

Научная статья / Research Article

УДК 316.4

DOI: 10.14258/SSI(2025)3–02

Адаптация подростков с миграционной историей сквозь призму родительского восприятия: ключевые барьеры и ожидания от системы поддержки

Татьяна Николаевна Юдина

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, ioudinatn@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена ростом числа детей мигрантов в российских школах и недостаточной изученностью их адаптационных трудностей. В условиях ужесточения миграционного законодательства (например, запрета на зачисление детей без знания русского языка с 2025 г.) и увеличения нелегальной миграции понимание барьеров адаптации этой группы становится критически важным для формирования эффективной государственной политики. Особую значимость проблема приобретает в Московском мегаполисе, где сосредоточено около 40% всех мигрантов страны. Целью исследования является выявление и анализ ключевых барьеров, с которыми сталкиваются подростки-мигранты в процессе адаптации в Москве и Московской области, а также ожиданий их родителей в отношении существующей и желаемой системы поддержки. Исследование основано на анкетном опросе мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, проживающих в Москве и Московской области и имеющих детей подросткового возраста 14–18 лет, проживающих совместно с родителями и обучающихся в образовательных учреждениях региона. Выборка формировалась методом целевого отбора. Анализ данных включает дескриптивную статистику и кросс-табуляцию. Анализ базируется на интеграции структурно-институционального, интерпретативного и конфликтологического подходов. Исследование выявило, что большинство родителей-мигрантов проживают в России длительное время, что свидетельствует о формировании устойчивой диаспоры. При этом их образовательный уровень варьируется от среднего специального до высшего, а занятость сосредоточена преимущественно в низкоквалифицированных секторах экономики. Родители выделили три ключевых барьера в адаптации детей: трудности в общении со сверстниками, языковые сложности и проблемы с освоением школьной программы. При этом семья рассматривается респондентами как главный фактор успешной адаптации, тогда как роль образовательных учреждений оценивается значительно ниже. В качестве приоритетных направлений поддержки родители назвали помощь в понимании российских культурных норм, изучении русского языка и содействии при поступлении в школы. При этом часть респондентов считает, что их дети не нуждаются в дополнительной помощи, что может указывать на недооценку существующих проблем. Полученные данные демонстрируют необходимость комплексного подхода к адаптации детей мигран-

тов, сочетающего языковую подготовку, культурное посредничество и вовлечение семей во взаимодействие со школами. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования региональных и федеральных программ интеграции мигрантов. Исследование вносит вклад в понимание адаптации подростков-мигрантов, фокусируясь на уникальном ракурсе — восприятии и оценках их родителей. Оно выявляет ключевое противоречие между признанием родителями барьеров адаптации и их недоверием к институциональным механизмам поддержки, а также доминирующую потребность в социокультурной, а не только функциональной интеграции. Результаты исследования имеют существенную практическую ценность для разработчиков образовательной и миграционной политики, администрации образовательных организаций и организаций гражданского общества.

Ключевые слова: адаптация, дети-мигранты, подростки с миграционной историей, родители детей-мигрантов, барьеры, система поддержки

Для цитирования: Юдина Т. Н. Адаптация подростков с миграционной историей сквозь призму родительского восприятия: ключевые барьеры и ожидания от системы поддержки // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 39–64. doi: 10.14258/ssi(2025)3–02.

Adaptation of Adolescents with a Migration History through the Prism of Parental Perception: key Barriers and Expectations from the Support System

Tatyana N. Yudina

Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ioudinatn@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Abstract. The relevance of the study is due to the growing number of migrant children in Russian schools and insufficient knowledge of their adaptation difficulties. With stricter migration legislation (for example, a ban on enrolling children without knowledge of the Russian language from 2025) and an increase in illegal migration, understanding the barriers to adaptation of this group is becoming critically important for shaping effective government policy. The problem is particularly important in the Moscow metropolis, where about 40% of all migrants in the country are concentrated. The aim of the study is to identify and analyze the key barriers faced by migrant adolescents in the process of adaptation in Moscow and the Moscow Region, as well as their parents' expectations regarding the existing and desired support system. The study is based on a questionnaire survey of migrants from Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan living in Moscow and the Moscow region and having teenage children aged 14–18 years, living with their parents and studying in educational institutions in the region. The sample was formed by the targeted selection method. data analysis included descriptive statistics and cross-tabulation. The analysis is based on the integration of structural-institutional, interpretive and conflictological approaches.

The study revealed that the majority of migrant parents have been living in Russia for a long time, which indicates the formation of a stable diaspora. At the same time, their educational level

varies from secondary specialized to higher education, and employment is concentrated mainly in low-skilled sectors of the economy. Parents identified three key barriers to children's adaptation: difficulties in communicating with peers, language difficulties, and problems with mastering the school curriculum. At the same time, the family is considered by the respondents as the main factor of successful adaptation, while the role of educational institutions is estimated significantly lower. The parents named assistance in understanding Russian cultural norms, learning the Russian language, and assistance in school admission as priority areas of support. At the same time, some respondents believe that their children do not need additional help, which may indicate an underestimation of existing problems. The data obtained demonstrate the need for an integrated approach to the adaptation of migrant children, combining language training, cultural mediation and the involvement of families in interaction with schools. The results of the study can be used to improve regional and federal migrant integration programs. The study contributes to understanding the adaptation of migrant adolescents by focusing on a unique perspective — the perception and assessments of their parents. It reveals the key contradiction between parents' recognition of barriers to adaptation and their distrust of institutional support mechanisms, as well as the dominant need for socio-cultural, not just functional integration. The results of the study have significant practical value for developers of educational and migration policy, the administration of educational organizations and civil society organizations.

Keywords: adaptation, migrant children, adolescents with a migration history; parents of migrant children; barriers, support system

For citation: Yudina, T. N. (2025). Adaptation of Adolescents with a Migration History through the Prism of Parental Perception: key Barriers and Expectations from the Support System. *Society and Security Insights*, 8(3), 39–64. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2025)3–02.

Введение

В последние годы тема миграции заняла одно из центральных мест в общественной дискуссии в России. По оценкам МВД РФ, на конец декабря 2024 г. на территории России находилось около 6,5 млн мигрантов, что составляет около 4% от всего населения России. На фоне общих проблем, связанных с трудовой и нелегальной миграцией, особое внимание в публичном дискурсе уделяется детям различного возраста, родители которых являются мигрантами. По данным МВД России и Министерства просвещения в 2024 г. в российских школах обучалось свыше 200 тыс. детей мигрантов (при общем числе учащихся 18 млн)⁷. Однако реальная цифра может быть значительно выше из-за неучтенных нелегальных мигрантов, количество которых на начало марта 2025 г. составило 685 тыс. чел.⁸ Актуальность исследования проблем адаптации детей мигрантов в возрасте 14–18 лет обусловлена двумя ключевыми факторами: во-первых, необходимо-

⁷ Председатель ГД: низкий уровень знания русского языка у детей мигрантов вызывает стресс у самого ребенка, создает проблемы для одноклассников // Новости. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/60444/>

⁸ Больше 680 тысяч нелегальных мигрантов включили в реестр МВД // Парламентская газета. 2025. 9 марта. URL: <https://www.pnp.ru/social/bolshe-680-tysyach-nelegalnykh-migrantov-vklyuchili-v-reestr-mvd.html>

стью их интеграции в образовательную среду, предотвращения их маргинализации и выпадения из системы образования (например, в случаях, когда девочки занимаются домашним хозяйством, а мальчики помогают родителям на работе); во-вторых, в решении экономической потребности — дефицита квалифицированных рабочих кадров в долгосрочной перспективе.

С 1 апреля 2025 г. вступил в силу закон, запрещающий зачислять в школы детей мигрантов, которые не владеют русским языком. По текущим оценкам, около 41% таких детей либо не знают языка, либо владеют им слабо⁹.

Несмотря на социальную значимость, тема адаптации детей, а особенно подростков, мигрантов остается недостаточно изученной как в научной литературе, так и в рамках государственной политики. Основным источником информации остаются СМИ, которые часто транслируют стереотипы, а не объективные данные¹⁰. В открытом доступе отсутствует статистика по численности детей мигрантов в школах, нет отчетов о программах их адаптации (Деминцева и др., 2017). Ситуация единичных исследований, посвященных этой теме, объясняется как сложностью «вхождения» в школы, требующего согласования с государственными институтами, так и отсутствием артикуляции данной темы на уровне департаментов образования и других государственных структур.

Между тем потребность в новых подходах к адаптации подростков с миграционной историей, особенно в Московской агломерации (где сосредоточено около 40% всех мигрантов), продолжает расти (Ананичева, 2024).

Таким образом, возникает противоречие между запросом общества на эффективную политику интеграции и недостаточной теоретико-эмпирической базой, что не позволяет дать полные ответы для достижения этой цели.

В данной статье адаптация подростков с миграционной историей рассматривается как сложный процесс вхождения в новое социокультурное пространство, требующий гармонизации отношений и достижения баланса между внешними условиями и внутренними установками. Ключевая роль в этом процессе отводится семье: успешность адаптации зависит от взаимодействия индивидуальных, семейных и средовых факторов. Особое значение имеют культурный капитал семьи, образовательный и профессиональный статус родителей, их занятость и стабильное материальное положение.

Целью исследования является выявление и анализ ключевых барьеров, с которыми сталкиваются подростки-мигранты в процессе адаптации в Москве и Московской области, а также ожиданий их родителей в отношении существующей и желаемой системы поддержки в процессе адаптации. Статья дает но-

⁹ Володин: 41% детей мигрантов не знают или плохо знают русский язык // Коммерсантъ. 2024. 10 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7363757>

¹⁰ Балабас Е. Число детей мигрантов в столичных школах доходит до 60%. Но адаптируются они с трудом // Московский комсомолец. 2015. 14 декабря. URL: <http://www.mk.ru/social/2015/12/14/chislo-deteymigrantov-v-stolichnykh-shkolakh-dokhodit-do-60.html> (дата обращения: 03.05.2025). Ващенко В. Я пошел впервые в школу. Учителя не знают, как учить детей мигрантов в школах // Газета.ру. 2015. 9 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/09/09/10184939.shtml> (дата обращения: 03.05.2025).

вое представление о роли родителей и семьи в адаптации подростков с миграционной историей в социокультурную и образовательную среду и препятствиях на пути их вовлечения. Актуализирует необходимость разработки дифференцированных подходов к каждой из возрастных и культурных подгрупп. В условиях обсуждения в российском обществе концепции новой миграционной политики с 2026 г. полученные результаты могут быть использованы государственными и гражданскими институтами для повышения ее эффективности.

Методология и методы исследования

Исследования адаптации мигрантов, в том числе детей с миграционной историей, опирается на широкий спектр социологических методологий.

Доминирующим стал структурно-функциональный подход, который рассматривает адаптацию как процесс достижения равновесия между мигрантом и социальной системой принимающего общества. При этом делается акцент на усвоение норм, ценностей, социальных ролей для функционального включения в институты (рынок труда, образование, здравоохранение). Основным представителем данного подхода можно назвать Т. И. Заславскую (2007), которая разработала социально-экономические индикаторы адаптации, т.е. фокусом адаптации было функциональное включение человека в экономику и социальную структуру. Необходимо также отметить ее ключевой вклад в операционализацию понятия «адаптация» на макро/мезоуровнях. Ж. А. Зайончковская (1992) предложила проводить анализ достижения устойчивого состояния во взаимодействии с новой средой с использованием географических и социологических методов, предложив назвать это концепцией «приживаемости новоселов». Понятие «обустройство новоселов» с акцентом на структурные изменения и временную динамику процесса адаптации было предложено Л. Л. Рыбаковским (2000).

Л. В. Корель (2005) на основе западных теорий адаптации предложила выделять четыре типа адаптации: развитие, защита, уклонение, реверсия, а также систематизировать стратегии/результаты адаптации с точки зрения функциональности/дисфункциональности как для индивида, так и для системы.

Вопрос влияния миграции на демографическое развитие на макроуровне нашел отражение в работах Д. И. Валентя (1987), А. Г. Вишневого (2004), И. В. Ивахнюк (2014), В. А. Ионцева (2014). Они рассматривали миграцию как фактор изменения структуры и динамики населения, включая политико-правовые аспекты.

А. В. Петроченко (2011) разработал методы анализа социокультурной интеграции на основе системы критериев и показателей и прямой операционализации понятия «адаптация».

Следующим методологическим подходом, который предлагает фокусироваться на субъективном опыте, смыслах и практиках самих мигрантов, как они воспринимают и интерпретируют новый контекст и как конструируют свою идентичность в процессе адаптации, можно назвать интерпретативный подход. Его также называют феноменологическим или конструктивистским.

Интерпретативный подход в первую очередь представлен теориями зарубежных авторов: теорией становления идентичности Э. Эриксона (1996), которая стала основой для понимания психологических процессов у детей и подростков-мигрантов; концепцией «социального пространства» П. Бурдьё (2005), который определяет идентичность как динамическую категорию, что дает ему возможность проводить анализ изменений самоощущения и позиционирования мигрантов через взаимодействие в новой среде, теорией культурной идентичности Дж. Бэнкса (2010), который обозначил фокус на формирование и трансформацию идентичности в мультикультурном контексте.

Дальнейшее развитие интерпретативного подхода стало активно развиваться в сфере детской адаптации, названной в дальнейшем концепцией «миграционной педагогики». Исследования детской адаптации рассмотрены в работах российских исследователей: Е. В. Бондаревской (2000), С. К. Бондыревой (2004), О. В. Гукаленко (2016), Г. Е. Зборовского и Е. А. Шуклиной (2013), Ю. А. Афонькиной, Т. В. Кузьмичевой, А. В. Бурцевой (2014) и др. Они затрагивают субъективный опыт детей-мигрантов, их чувства, стратегии преодоления трудностей, процесс формирования идентичности в иноязычной/инокультурной среде школы. С. Г. Тер-Минасова (2008) обосновала теорию межкультурной коммуникации с сильным акцентом на неразрывную связь языка, культуры и мышления. Ее подход подчеркивает, что язык — это мощный фактор, формирующий восприятие и опосредующий коммуникацию, но не жестко детерминирующий мышление. Успешная адаптация мигрантов и их детей возможна только через осознанное овладение не только языком, но и культурными кодами принимающего общества, при сохранении уважения к родной культуре и развитии диалога между ними.

Исследователи все чаще стали обращаться к конфликтологическому подходу, который подчеркивает роль неравенства, дискриминации, социальной напряженности, а также факторы риска и барьеры в процессе адаптации. Адаптация рассматривается как поле борьбы за ресурсы, признание. При этом конфликт не обязательно деструктивен. Он может быть двигателем изменений, вынуждая стороны искать новые формы взаимодействия, адаптировать нормы, создавать институты медиации. Успешная адаптация мигрантов в этой парадигме — это способность конструктивно управлять конфликтами, находить баланс интересов, а не просто ассимилироваться. Особенно остро конфликты проявляются в адаптации детей мигрантов, которые часто оказываются «на передовой» культурного и социального столкновения (в школе, на улице). Данный подход широко представлен в работах как зарубежных, так и российских ученых. Среди зарубежных исследователей необходимо отметить Льюиса Козера (Lewis Coser) (1964) — основоположника функционалистской теории конфликта; Крэйга Калхуна (Craig Calhoun) (1994) — автора «стержневой идентичности» (politics of identity) в современных конфликтах; Алехандро Портеса (Alejandro Portes) и Мин Чжоу (Min Zhou) (2005), Рубена Румбаута (Rubén G. Rumbaut) — разработчиков теории сегментированной ассимиляции; Стивена Вертовеца (Steven Vertovec) (2007) — предложившего концепцию «суперразнообразия», и др. Среди российских ис-

следователей необходимо отметить работы А. В. Дмитриева (2015), В. Н. Петрова (2015), В. И. Мукомеля (2017), которые исследуют взаимодействие мигрантов и принимающего общества, причины потенциальных конфликтов, а также факторы успешности/неуспешности адаптации.

При анализе процесса адаптации активно используется и институциональный подход, в рамках которого анализируется роль формальных и неформальных институтов принимающего общества (государственные структуры, законы, школы, общественные организации, культурные нормы) в формировании условий, возможностей и барьеров для адаптации. Институциональный подход предоставляет мощный инструментарий для понимания системных факторов, определяющих возможности и вызовы адаптации мигрантов, особенно уязвимых групп, таких как дети. Фокус на институтах помогает увидеть за индивидуальными историями более широкие структурные условия и ответственность принимающих обществ. Акцент делался на исследованиях, где институты рассматриваются как контекст и акторы, формирующие траектории адаптации.

Институциональный подход широко распространен среди зарубежных исследователей. В первую очередь отметим тех, кто фокусировал свое внимание на исследовании адаптации детей. Роджерс Брубейкер (Rogers Brubaker) (2012) обосновал, что формально-правовой статус мигранта, определяемый институтами, является критическим фактором долгосрочной адаптации и чувства принадлежности детей мигрантов к новой реальности. Дирк Якобс (Dirk Jacobs) и Андреа Реа (Andrea Rea) (2007), анализируя механизмы «институциональной дискриминации», доказали, что «неуспешная» адаптация молодежи — часто результат системных изъянов институтов, а не индивидуальных характеристик, Ричард Альба (Richard Alba) и Нэнси Фонер (Nancy Foner) (2015), базируя свои исследования на сравнительном институциональном анализе адаптации детей мигрантов (особенно в плане образования и социальной мобильности), считают, что она может быть более успешной в странах с более гибкими институтами (например, США с его сильными университетами и историей иммиграции), чем в странах с жесткими структурами (некоторые европейские страны), пришли к выводу о высокой роли национального институционального контекста как ключевой переменной в адаптации детей мигрантов.

Среди российских исследователей в первую очередь необходимо отметить имена таких исследователей, как С. В. Рязанцев (2017), который рассматривает проблемы доступа детей мигрантов к образованию и здравоохранению сквозь призму институциональных требований (регистрация, документы) и практик реализации их прав. Е. Б. Деминцева (2017) глубоко исследует повседневные практики в школах как институциональную среду, где формируются и воспроизводятся представления о «своих» и «чужих»; анализирует, как учителя, учебники, школьные мероприятия, отношения между детьми конструируют этнические границы и влияют на самоидентификацию детей мигрантов. Среди российских исследователей, являющихся приверженцами институционального подхода, можно также назвать О. Р. Гулину (2005), С. В. Рыжову (2016), исследовавших институ-

циональные аспекты ксенофобии и толерантности, а также роль СМИ и образовательных институтов в их формировании; В. Ю. Леденеву (2021), показавшую роль неформальных институтов в адаптации мигрантов; О. С. Чудиновских (2020), продемонстрировавшую, как статистические данные (охват детей мигрантов образованием и т.д.) отражают институциональные возможности/проблемы; В. В. Гриценко и др. (2023), обосновавших роль образовательных институтов в трансляции культуры мигрантов и их детей. Необходимо также отметить работы Т. Н. Юдиной по адаптации детей мигрантов, которая последовательно анализирует роль и взаимодействие ключевых социальных институтов в процессе адаптации детей мигрантов: система образования, государственные миграционные службы, органы социальной защиты, местное самоуправление; указывает на дисфункции институтов и институциональные барьеры.

Сетевой подход изучает адаптацию сквозь призму социальных связей мигрантов (транснациональные связи, диаспоральные сети, связи с принимающим обществом). Сети рассматриваются как ключевые ресурсы для получения информации, поддержки, доступа к рынку труда. Ключевые идеи сетевого подхода рассмотрены Марком Грановеттером (Mark Granovetter) (1973), который утверждал, что для адаптации детей критически важны связи со сверстниками — носителями языка и культуры принимающей страны. Несмотря на то что изначально это слабые связи, они становятся мостами в новое общество, источником языковой практики, культурных знаний и социального признания. Родительские сети, состоящие в основном из соотечественников (сильные, но гомогенные), могут не обеспечивать этого в полной мере. Алехандро Портес (Alejandro Portes) и Мин Чжоу (Min Zhou) (2017) высказывали идею, что адаптация идет разными путями, при этом этнические сети играют решающую роль, так как могут обеспечить культурную поддержку и защиту от дискриминации, что важно для психологического благополучия ребенка. Рональд Берт (Ronald Burt) (1992) в своей работе «Структурные дыры: социальная структура конкуренции» утверждал, что дети, особенно билингвальные и бикультурные, часто непреднамеренно становятся культурными брокерами для своих семей. Это дает им особый статус, но и создает нагрузку. Вопросами адаптации мигрантов и детей с миграционными историями занимался и ряд других зарубежных исследователей.

В российской науке одним из пионеров в изучении диаспор и миграционных сетей можно назвать В. И. Дятлова (2000), который проанализировал, как сети соотечественников (землячеств, диаспор) предоставляют информацию, жилье, работу, правовую поддержку, формируя «коридоры» миграции и адаптации; Д. В. Полетаев и Ж. А. Зайончковская (2019) сфокусировали внимание на ключевой роли социальных связей (родственных, земляческих, этнических) в процессе миграции, поиска работы и жилья, получения информации и поддержки, что в дальнейшем стало эмпирической основой для понимания сетевых механизмов адаптации.

В исследованиях М. Ю. Мартыновой (2019) подчеркивается роль этнических сетей и диаспор как важного фактора адаптации и сохранения идентичности мигрантов. Она анализирует взаимодействие сетей мигрантов с принимающим

обществом и институтами, а также затрагивает вопросы семейной миграции и положения детей. Г. У. Солдатова (2018), изучая адаптацию детей-мигрантов с позиций психологии, обращает внимание на семейные и социальные (включая школьные) сети поддержки, рассматривая их как факторы, влияющие на стресс, копинг-стратегии и интеграцию.

В исследовании планируется использовать объединение структурно-институционального анализа (роль института семьи) с интерпретативным (опыт детей и родителей) и конфликтологическим (барьеры, ресурсы преодоления) применительно конкретно к адаптации подростков с миграционной историей к новой социокультурной среде.

Под детьми мигрантов в данном исследовании мы понимали подростков от 14 до 18 лет, которые имели опыт переезда из другой страны в Московскую агломерацию вне зависимости от этнического происхождения и социального статуса. Все эти дети проходили обучение в средней и старшей школе, средних специальных и высших учебных заведениях московского мегаполиса.

Исследование было реализовано с использованием метода анкетного опроса с применением очного интервьюирования и онлайн-анкетирования в ноябре — декабре 2024 г. в Москве и Московской области. Отбор респондентов осуществлялся по неслучайной выборке с использованием метода целевого отбора. Целевую группу составили взрослые мигранты из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, имеющие одного или нескольких детей в возрасте 14–18 лет, проживающих совместно с родителями на территории Москвы и Московской области. Всего опрошено 828 человек, в том числе 258 человек из Кыргызстана (139 мужчин, 119 женщин), 279 человек из Узбекистана (132 мужчин, 147 женщин), и 291 человек из Таджикистана (156 мужчин, 135 женщин). Респондент, имеющий более двух детей в обозначенном возрасте, должен был выбрать одного ребенка, который, по его мнению, является наиболее показательным с точки зрения адаптации в России. Все дальнейшие вопросы анкеты касались только этого ребенка в возрасте 14–18 лет, который проживает с ним в Москве и Московской области и в настоящее время получает образование. У детей могло быть гражданство своей страны, двойное гражданство или российское.

Результаты исследования

Социально-демографическая характеристика родителей-мигрантов

Анализ длительности проживания респондентов в Москве и Московской области выявил высокую долю мигрантов, интегрированных в принимающее сообщество на протяжении длительного периода. Так, более трети опрошенных (36,6%) проживают в регионе свыше 10 лет, а совокупная доля мигрантов с периодом проживания от 5 лет достигает 72%. На наш взгляд, это свидетельствует о формировании устойчивой мигрантской диаспоры, для которой вопросы адаптации детей приобретают особую значимость.

Примечательно, что распределение по срокам проживания демонстрирует схожую динамику для всех трех исследуемых групп. Наибольшая доля «но-

вых» мигрантов (с периодом проживания до 3 лет) зафиксирована среди выходцев из Таджикистана (13,4%), что может быть связано с более поздними волнами трудовой миграции из этой страны (табл. 1.)

Таблица 1

Table 1

Длительность проживания респондентов в Москве и Московской области, %
Length of residence of respondents in Moscow and the Moscow region, %

Срок проживания	По всем опрошенным	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Менее 1 года	3,9	3,5	3,9	4,1
От 1 года до 3 лет	7,9	7,0	7,2	9,3
От 3 до 5 лет	16,3	21,0	13,3	15,2
От 5 до 10 лет	35,4	33,1	36,9	35,9
Более 10 лет	36,6	35,4	38,7	35,5

Возрастная структура респондентов отражает типичную для трудовых мигрантов модель: половина (50%) принадлежит к наиболее экономически активной группе 35–42 лет, что коррелирует с наличием детей школьного возраста.

У половины опрошенных респондентов в семье в возрасте 14–18 лет и проживающих с ними в настоящее время в Москве был один ребенок, у каждого третьего — два ребенка; 12,9% имели трех и более детей. Причем аналогичное распределение детей характерно для всех анализируемых стран (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Количество детей в семье респондента в возрасте 14–18 лет и проживающих с ним в Москве или Московской области, процент от опрошенных

The number of children in the respondent's family aged 14–18 years and living with them in Moscow or the Moscow region, %

	Один ребенок	Два ребенка	Три и более детей
По всем опрошенным	54,1	33,0	12,9
Кыргызстан	50,6	35,8	13,6
Узбекистан	59,1	30,5	10,4
Таджикистан	52,4	32,8	14,8

Дети из семей мигрантов из стран Центральной Азии, как правило, живут в арендованных квартирах (55,2%), 27,3% респондентов имеют квартиру или дом в собственности, 6% проживают в общежитии, а 11,5% — у родственников.

Из всех опрошенных респондентов у 56% в семьях были мальчики, у 44% — девочки. Возраст детей по итогам опроса распределился следующим образом: 14-летние дети составили 29,5%; 15-летние — 20,9%; 16-летние — 20,7%; 17-летние — 16,4%; 18-летние — 12,6%.

Гражданство детей опрошенных мигрантов, как правило, такое же, как и у родителей. Почти каждый третий ребенок из каждой из стран получил рос-

сийское гражданство. Двойное гражданство является нехарактерным для детей мигрантов (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Гражданство детей-мигрантов, процент от опрошенных

Citizenship of migrant children, %

	По всем опрошенным	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Кыргызстан	22,3	70,8	0,7	0,3
Таджикистан	24,	1,2	1,4	68,3
Узбекистан	23,4	0	67,4	2,1
Россия	28	27,2	30,1	26,9
Россия и Кыргызстан	0,4	0,8	0	0
Россия и Таджикистан	1	0	0	2,4

Образовательный и социально-экономический статус и материальное положение родителей-мигрантов

Исследование выявило противоречивую картину образовательного уровня родителей-мигрантов. Несмотря на то что 40,7% респондентов имеют среднее специальное образование, каждый четвертый (24,5%) ограничился общим средним, а 6,4% не завершили даже его. При этом наблюдаются межстрановые различия: выходцы из Кыргызстана демонстрируют более высокую долю лиц с высшим образованием (31,9% против 25,1% среди узбекистанцев и 26,2% среди таджикистанцев), что может быть связано с исторически более тесными культурными связями с Россией (табл. 4).

Таблица 4

Table 4

Уровень образования респондентов, процент от опрошенных

Respondents' educational level, %

Уровень образования	По всем опрошенным	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Высшее	27,8	31,9	25,1	26,2
Среднее специальное	40,7	36,2	45,2	40,7
Общее среднее	24,5	24,9	23,7	25,2
Неполное среднее	5,2	6,2	4,7	4,8
Начальная школа	1,2	0,4	0,7	

Социально-трудовой статус респондентов подтверждает их положение в нижних сегментах трудового рынка: 60,5% заняты в качестве наемных работников (из них 36,5% — квалифицированных), тогда как доля предпринимателей и самозанятых не превышает 21,7%. Безработица затрагивает 9,4% опрошенных, достигая максимума среди таджикистанцев (11,7%) (табл. 5).

Таблица 5
Table 5

Социально-трудовой статус респондентов, %
Social and labor status of respondents, %

	По всем опрошенным	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Руководитель	3,5	3,5	3,6	3,4
Квалифицированный наемный работник	36,5	39,3	36,2	33,8
Неквалифицированный наемный работник	24,0	20,2	27,6	24,1
Предприниматель	5,8	5,4	5,0	6,9
Владелец бизнеса, бизнесмен	3,0	1,9	5	2,1
Самозанятый	15,9	21	11,1	16,2
Фрилансер	1,8	1,6	2,2	1,7
Безработный	9,4	7,0	9,3	11,7

Уровень жизни семей мигрантов, приехавших из Центральной Азии, достаточно высок. 39,5% респондентам хватает на покупку крупной бытовой техники, но они не могут купить новую машину, у 38,5% хватает денег на еду и одежду, но им трудно купить холодильник или стиральную машину, 15,1% респондентов оценивают материальное положение своей семьи еще выше, отмечая, что заработков хватает на все, за исключением покупки таких дорогих вещей, как дом или квартира, или что у них финансовые затруднения отсутствуют, а при желании возможна даже покупка дома или квартиры. Данная оценка характерна для родителей-мигрантов из всех изучаемых стран (табл. 6).

Таблица 6
Table 6

Материальное положение респондентов и их семей, %
Financial situation of the respondents and their families, %

	По всем опрошенным	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Не хватает денег даже на еду	0,8	0,4	0,4	1,7
Хватает денег на еду, но покупка одежды — серьезная проблема	6,0	3,5	7,2	7,2
Хватает денег на еду и одежду, но было бы трудно купить холо- дильник или стираль- ную машину	38,5	39,3	40,1	36,6

Хватает денег на покупку крупной бытовой техники, но невозможно было бы купить новую машину	39,5	42,8	38,4	37,2
Зарботков хватает на все, за исключением покупки таких дорогих вещей, как дом или квартира	11,8	10,5	10,8	14,1
Финансовые затруднения отсутствуют, при желании возможна покупка дома или квартиры	3,3	3,5	3,2	3,1

Родители-мигранты об уровне адаптации и трудностях адаптации их детей к жизни в Москве и Московской области

Подавляющее большинство родителей-мигрантов (81,5%) высоко оценивают успешность адаптации своего ребенка к школьной культуре или культуре образовательного учреждения в Москве и Московской области: 40,3% оценили ее как успешную, а 41,2% — как скорее успешную. Лишь 4,3% родителей считают адаптацию «скорее неуспешной» или «неуспешной» (рис. 1).

Родители из всех трех стран единодушно выделили социально-коммуникативные трудности как основной вызов для своих детей. Каждый пятый респондент (21,7%) указал на сложности в общении с местными сверстниками, что отражает проблему культурной дистанции. Примечательно, что языковой барьер (16,5%) и адаптация к школьной программе (16,3%) имеют сопоставимую значимость, что подтверждает гипотезу о взаимосвязи языковой компетенции и академической успеваемости.

Ряд родителей (0,2%) считают, что все аспекты адаптации для его ребенка были проблемными. А 2,5% родителей-респондентов посчитали необходимым подчеркнуть, что у его ребенка не было никаких трудностей при адаптации. Среди ответов на открытую альтернативу (другое) были и ответы, что сложно шла адаптация к российской еде, особенно в столовой, к московскому климату, отсутствие близких контактов с родственниками (рис. 2).

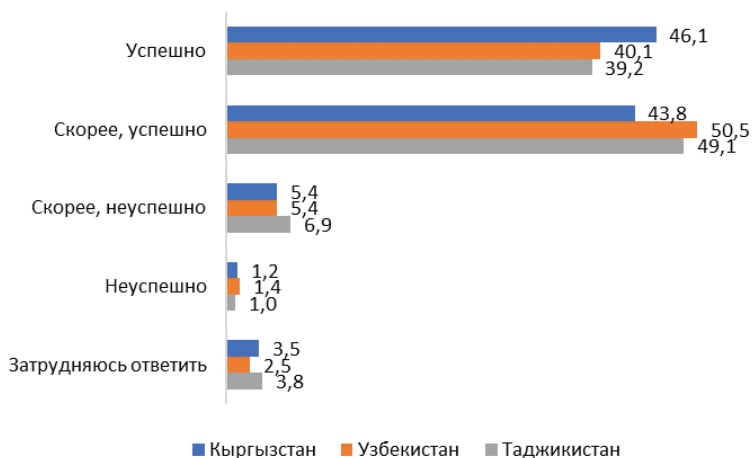

Рисунок 1 — Как бы Вы оценили успешность адаптации к школьной культуре или культуре образовательного учреждения Вашего ребенка к жизни в Москве и Московской области (по странам, %)?

Figure 1 — How would you rate the success of adapting to the school culture or the culture of your child's educational institution to life in Moscow and the Moscow region (by country, %)?

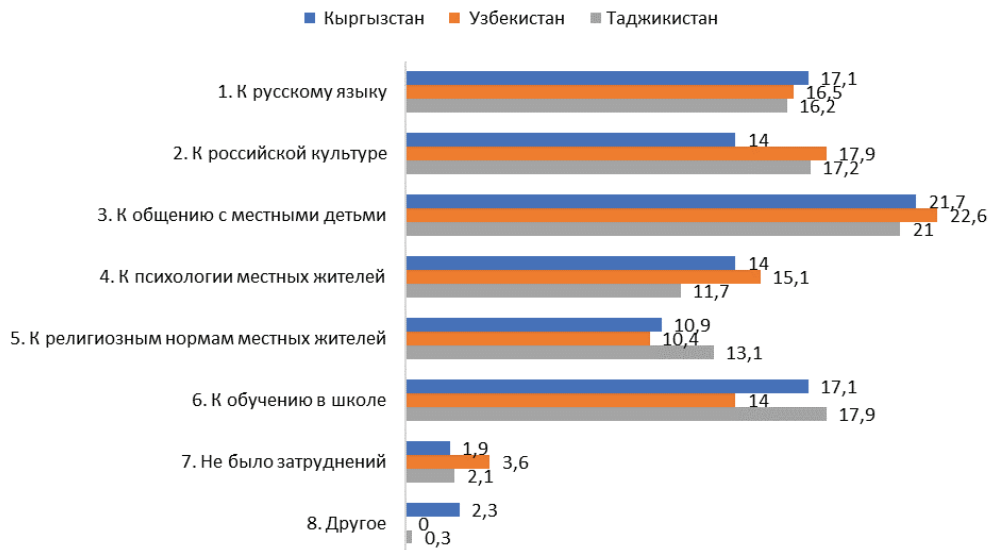

Рисунок 2 — К чему из нижеперечисленного, на Ваш взгляд, Вашему ребенку было наиболее сложно адаптироваться в России? (Можно выбрать только один вариант ответа; по странам, %.)

Figure — 2 Which of the following, in your opinion, was the most difficult for your child to adapt to in Russia? (You can choose only one answer option; by country, %.)

Мнение родителей, о том, кто в большей степени влияет на адаптацию ребенка в Москве и Московской области, свелось к следующей оценке: в первую очередь на процесс адаптации его ребенка в России влияет семья (40,0%), на втором месте — сверстники и одноклассники (34,8%). И только на третьем месте — учителя и школа (15,9%). Результаты показывают, что родители-мигранты видят основную движущую силу адаптации их детей в семье (40,0%) и круге сверстников (34,8%). Роль образовательных институтов (учителя и школа) оценивается ниже (15,9%). Примечательно, что 6,5% респондентов выделили свою личную роль отдельно от семьи.

Заметим также, что ряд респондентов захотели подчеркнуть свою значимость в данном влиянии и отделили себя от семьи, написав в открытом вопросе, что именно он смог внести вклад в адаптацию своего ребенка, написав «Я». Таких респондентов — 6,5%. Распределение значимости для представителей всех стран аналогичное (табл. 7).

Таблица 7
Table 7

Оценка респондентами влияния различных факторов на адаптацию его ребенка в Москве и Московской области, по странам, %

Respondents' assessment of the impact of various factors on their child's adaptation in Moscow and the Moscow Region, by country, %

Факторы влияния	По всем опрошенным	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Семья	40	41,2	36,6	42,4
Учителя и школа	15,9	16,7	17,2	14,1
Сверстники и одноклассники	34,8	35	35,5	33,8
Общественные лидеры	1,2	0,8	1,1	1,7
Религиозные лидеры	0,7	0,4	1,1	0,7
Социальные работники, психологи	0,4	0	0,7	0,3
«Я»	6,5	5,8	6,8	6,6
Все влияет в равной степени	0,2	0	0,4	0,3
Другое	0,2	0	0,7	0

Очень разноречивы оценки респондентов по странам по конкретным субъектам помощи их ребенку с приспособлением его к новой социально-демографической и культурной среде на первоначальном этапе его жизни в московском мегаполисе. Если для подростков из Кыргызстана и Узбекистана это в первую очередь религиозные организации (98,4% и 98,6% соответственно) и родственники/знакомые (89,1% и 88,9% соответственно), то для выходцев из Таджикистана — это различные формы НКО (99,3%) и непосредственно таджикская диаспора (91,4%). А роль, например, религиозных организаций очень мала. Ее значимость оценили только

10% опрошенных родителей-мигрантов из Таджикистана. Роль образовательных учреждений и государственных служб оценена низко (рис. 3).

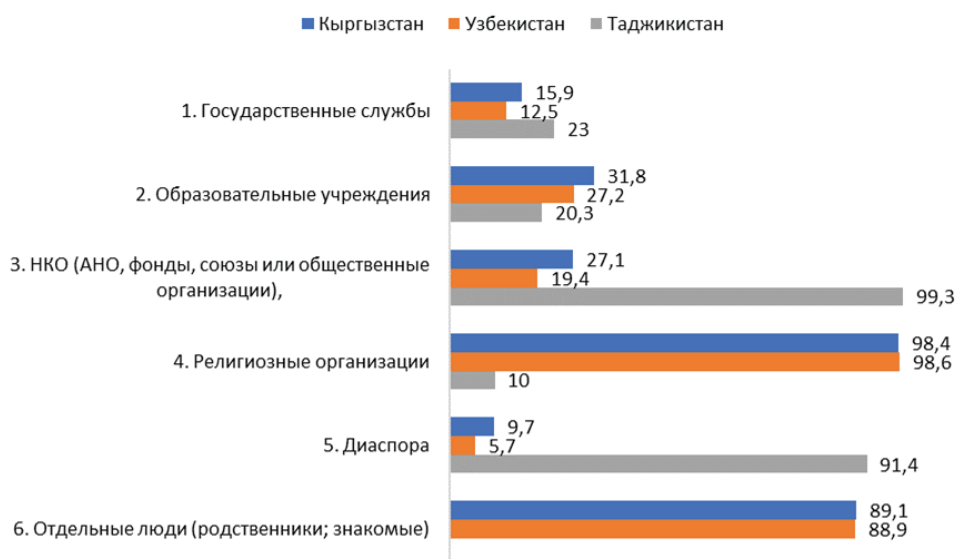

Рисунок 3 — Кто в первую очередь помогал Вам и Вашему ребенку с приспособлением к новой социально-демографической и культурной среде на первоначальном этапе? (Можно выбрать несколько вариантов; по странам, %.)

Figure 3 — Who primarily helped you and your child adjust to the new socio-demographic and cultural environment at the initial stage? (You can choose several options; by country, %.)

Ключевой фактор успешной адаптации, обучения, социализации и будущих возможностей — это, естественно, знание русского языка. Без знания языка ребенок, как правило, оказывается в изоляции. Знание русского позволяет заводить друзей, понимать культурный контекст, чувствовать себя частью коллектива в школе и дворе, незнание языка делает невозможным усвоение материала по всем предметам, а не только по русскому языку и литературе. Это прямой путь к неуспеваемости и отставанию, так как весь учебный процесс в московских школах и школах Подмосковья ведется на русском языке. Без знания языка подростки испытывают психологический дискомфорт, так как плохо понимают происходящее вокруг них, не способны выразить свои мысли и потребности. Уровень знания русского языка открывает им двери к качественному среднему специальному и высшему образованию, конкурентоспособности на московском и российском рынке труда в будущем, если после окончания школы они останутся жить и работать в России. Мы постарались более глубоко оценить знание языка подростками с миграционной историей, а именно через его компоненты: понимание, говорение, чтение и письмо. Понимание мы оценивали как базовый навык, без которого невозможно понимать объяснения учителя, устные инструкции, взаимодействовать со сверстниками как в школе, так и на бытовом уровне. Считают, что их дети-подростки очень хорошо слышат и понимают

носителей русского языка, 74,6% опрошенных родителей. Необходимость навыка говорения чрезвычайно высока, так как пассивное понимание без говорения резко ограничивает активное участие подростков в жизни школы и социума. Навык говорения родителями-мигрантами оценен тоже достаточно высоко (68,8%), но ниже, чем понимание. Без чтения невозможно полноценное академическое обучение и самостоятельность в городской среде. Однако на высоком уровне оценка чтения еще ниже, чем говорения, и составляет только 59,4% от числа опрошенных. Значимость умения писать в контексте школьного обучения очень высока. Без письменных навыков ребенок не сможет демонстрировать свои знания и полноценно участвовать в учебном процессе. В быту важность чуть ниже, чем других навыков, но для школы критична. По оценкам самих же родителей данный навык хорошо развит только у половины их детей в возрасте 14–18 лет. Хотелось бы отметить также, что, пусть и небольшая, доля родителей посчитала, что их ребенок-подросток совсем не владеет ни одним из компонентов русского языка (рис. 4).

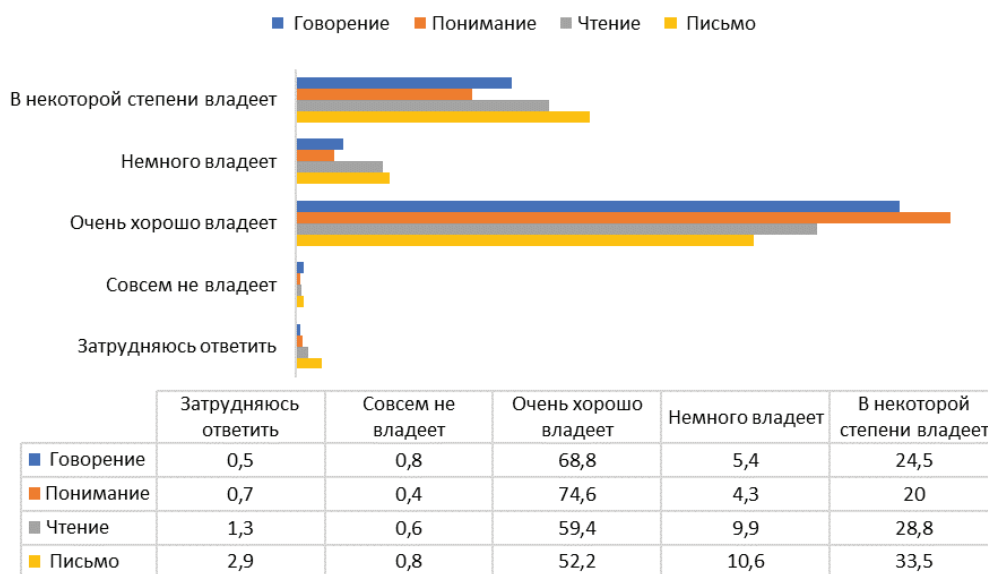

Рисунок 4 — Оцените уровень владения русским языком Вашего ребенка, %.

Figure 4 — Assess your child's Russian language proficiency, %.

Ожидания родителей-мигрантов о путях дальнейшей адаптации их детей

Взгляд родителей на вид помощи, в которой нуждается его ребенок в первую очередь, с точки зрения социокультурной адаптации к жизни в Москве и Московской области, является однозначным: по мнению родителей из всех стран — помощь в лучшем понимании российских традиций и обычаев. На втором-третьем месте в зависимости от страны родители детей-мигрантов считают, что для дальнейшей адаптации их детям нужна помощь в изучении русского языка либо в приеме в образовательное учреждение. Запрос на культурно-нормативную

адаптацию (35,9%) доминирует над узкопрактическими потребностями (языковая подготовка — 19,7%, прием в школу — 18,6%). Это указывает на дефицит программ культурного посредничества в существующей системе поддержки.

Необходимо отметить, что 5,6% от числа опрошенных родителей считают, что никакой помощи для адаптации их ребенка не нужно (рис. 5).

Рисунок 5 — В какой помощи в первую очередь нуждается Ваш ребенок с точки зрения социокультурной адаптации к жизни в Москве и Московской области (выберите один вариант ответа),%.

Figure 5 — What kind of help does your child primarily need in terms of socio-cultural adaptation to life in Moscow and the Moscow region,%.

По результатам нашего исследования видно, что наиболее распространенным желаемым сценарием среди родителей-мигрантов является переезд всей семьи в третьи страны: этот вариант выбрали 72,7% выходцев из Таджикистана, 72,5% — из Узбекистана и 58,3% — из Кыргызстана (в среднем по выборке — 68,2%). Альтернативные стратегии, такие как желание остаться в России самим, но чтобы дети уехали в третьи страны (13,6% в среднем) или возвращение всей семьей на родину (4,5% в среднем), значительно менее популярны. 13,6% от всех опрошенных родителей-мигрантов видят свою жизнь и жизнь своих детей следующим образом: «Мы хотели бы остаться в России, а дети — переехать в третьи страны». Особенно это проявляется у выходцев из Кыргызстана (18,2% против 13,6% выходцев из Таджикистана и 13,4 — из Узбекистана). Наиболее характерны возвратные настроения всей семьей у мигрантов из Кыргызстана (9,1%), самые низкие — из Таджикистана (0,9%) (рис. 6).

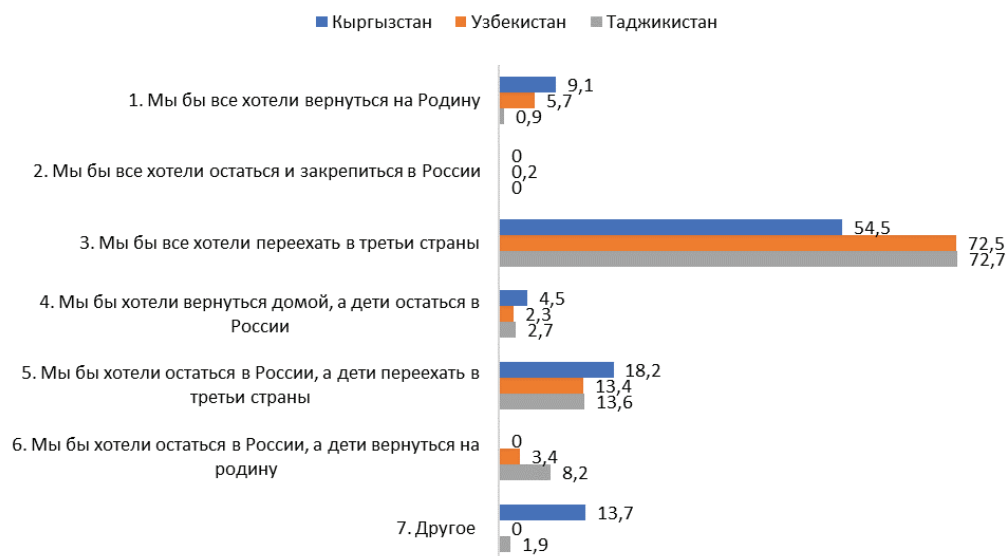

Рисунок 6 — Какой в перспективе Вы видите Вашу жизнь и жизнь Вашего ребенка, по странам, %.

Figure 6 — What perspective do you see in your life and your child's life, by country, %.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить комплексный спектр барьеров и ожиданий родителей-мигрантов из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана в отношении адаптации их детей-подростков (14–18 лет) к социокультурной и образовательной среде московского мегаполиса. Результаты рисуют противоречивую картину, отражающую как достижения, так и значительные вызовы процесса интеграции. Основные результаты свидетельствуют о наличии комплексных барьеров социокультурной адаптации, среди которых доминирующее положение занимают трудности межличностного взаимодействия со сверстниками-россиянами. Данный фактор был идентифицирован родителями как наиболее значимый вызов в процессе адаптации их детей. Сопутствующими, но не менее важными проблемами адаптационного процесса выступают: языковые барьеры, затрудняющие как учебную деятельность, так и социальную коммуникацию; необходимость освоения культурных норм и ценностей принимающего общества; сложности академической адаптации к российской системе образования. Особого внимания заслуживает выявленная диспропорция в восприятии агентов адаптации. Респонденты склонны абсолютизировать роль семейного фактора, одновременно недооценивая потенциал образовательных институтов в процессе адаптации. Такая позиция может свидетельствовать как о высоком уровне автономности мигрантских сообществ, так и о недостаточ-

ной эффективности существующих школьных программ адаптации. Полученные данные указывают на необходимость переосмысления политики поддержки, где фокус смещается с формальных показателей на создание условий для подлинной социокультурной интеграции и формирования долгосрочных перспектив для нового поколения, а также разработки многоуровневой системы поддержки, включающей программы культурной адаптации; языковую подготовку; механизмы вовлечения родителей в образовательный процесс; развитие межкультурной коммуникации среди учащихся. Реализация таких мер будет способствовать созданию более благоприятных условий для успешной адаптации детей мигрантов в российское образовательное пространство и общество в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ананичева С. Р. Социальная адаптация мигрантов: социологический анализ // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 11–14.

Афонькина Ю. А., Кузьмичева Т. В., Бурцева А. В. Социальная и образовательная адаптация детей из семей мигрантов в условиях образования на Кольском Севере: проектирование деятельности образовательной организации. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. 182 с

Берт Рональд С. Структурные дыры: социальная структура конкуренции. Гарвард: Издательство Гарвардского университета, 1992.

Бондаревская Е. В., Гукаленко О. В. Подготовка учителя к осуществлению педагогической поддержки детей-мигрантов в поликультурном образовательном пространстве. Тирасполь, 2000.

Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2004.

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. М.: ИД ВШЭ, 2012. 408 с.

Бурдые П. Генезис и структура поля религии // Бурдые П. Социальное пространство: Поля и практики. СПб.; М.: Алетейя, 2005.

Валентей Д. И., Зверева Н. В. Изучение народонаселения: вопросы методологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 156 с.

Вишневский А. Г. Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. М.: Институт экономики переходного периода, 2004. 94 с.

Гриценко В. В., Чибисова М. Ю., Ткаченко Н. В., Павлова О. С., Хухлаев О. Е. Стратегии социокультурной адаптации как предикторы психологического благополучия детей иностранных граждан в России // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28, № 5. С. 200–212. DOI 10.17759/pse.2023280515

Гукаленко О. В., Борисенков В. П. Подготовка педагогов для работы с детьми-мигрантами в поликультурном образовательном пространстве // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 1. С. 86–94.

Гулина О. Р. Право на равенство: российское законодательство и международные стандарты // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 1. С. 129–140.

Деминцева Е. Б., Зеленова Д. А., Космидис Е. А., Опарин Д. А. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 4. С. 80–109.

Дмитриев А. В. Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 16–29.

Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? Китайцы и кавказцы в Иркутске. М, 2000. 190 с.

Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972.

Заславская Т. И. Избранные произведения. Т. 1. Социальная экономика и экономическая социология. М.: Экономика, 2007.

Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80–91.

Ивахнюк И. В. Интеграция мигрантов с точки зрения государства (замечания в связи с новыми законодательными инициативами ФМС России) // Миграция. XXI век. 2014. № 3–4. С. 36–37.

Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2019. 433 с.

Ионцев В. А. Интеграция мигрантов — эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе // Вопросы управления. 2014. № 1. С. 127–132.

Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

Леденёва В. Ю., Кононов Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. М.: РУДН, 2021. 296 с.

Мукомель В. И. Ксенофобия: этнофобии и мигрантофобии принимающего населения // Социальные факторы межэтнической напряженности в России. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 146–196.

Петров В. Н. Межэтнические конфликты и толерантность // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 2. С. 97–98.

Петроченко А. В. Критерии и показатели социокультурной интеграции иммигрантов в общеобразовательной школе // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1/2. С. 36–42.

Полетаев Д. В., Зайончковская Ж. А. Анализ механизмов, проблем и практик адаптации и интеграции детей, не имеющих гражданства РФ и пребывающих в г. Москве // Общество. Доверие. Риски: доверие к миграционным процессам. Риски нового общества. М.: Государственный университет управления, 2019. С. 315–325.

Портес А., Чжоу М. Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // *Urban Studies and Practices*. 2017. Vol. 2, No 1. P. 122–141. <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>

Рыбаковский Л. Л. Исследования миграции населения в России. М., 2000. 39 с.

Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22, № 1. С. 72–94.

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Результативность внешней миграционной политики России и подходы к оценке возможных объемов привлечения мигрантов // *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2017. № 2. С. 7–13.

Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Московский государственный университет, 2008. 352 с.

Чудиновских О. С., Степанова А. В. О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7, № 1. С. 54–82.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Юдина Т.Н. Котовская М.Г. Инофоны в московских школах: проблемы культурной адаптации // *Социальная политика и социология*. 2018. Т. 17, № 2. С. 115–123.

Юдина Т.Н. Котовская М.Г. Знание русского языка как фактор адаптированности инофонов-школьников в новой этнокультурной среде // *Социальная политика и социология*. 2019. Т. 18. № 2 (131). С. 45–53.

Alba Richard, Foner Nancy. *Strangers No More: Immigration and the Challenges of Integration in North America and Western Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2015.

Banks J. A., Cherry A., Banks McG. *Multicultural Education: Issues and Perspectives*. PhoenixColor Corporation. 7th ed. 2010.

Calhoun Craig. *Social Theory and the Politics of Identity*. Wiley-Blackwell, 1994.

Dirk J. and Andrea R. The End of National Models? Integration Courses and Citizenship Trajectories in Europe // *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*. 2007. Vol. 9, No. 2. 264–283.

DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>

Granovetter M. S. The strength of weak ties // *American Journal of Psychology*. 1973. Vol. 78, No. 6, pp. 1360–1380.

Lewis Coser. *The Function of Social Conflict*. New York: The Free Press; London: Collier Macmillan Limited, 1964.

Portes A., Fernarndez-Kelly P., Haller W. Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. No. 28. P. 1000–1040.

Vertovec Steven (2007). Super-diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies* Vol. 30, No. 6. P. 1024–1054.

REFERENCES

Ananicheva, S. R. (2024). Social adaptation of migrants: a sociological analysis. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 1, 11–14. (In Russ.)

Afon'kina, Ju. A. Kuz'micheva. T. V., Burceva, A. V. (2014). *Social and educational adaptation of children from migrant families in the context of education in the Kola North: designing the activities of an educational organization*. Krasnoyarsk: Nauchno-innovacionnyj centr. (In Russ.)

Bert, Ronal'd S. (1992). *Structural holes: the social structure of competition*. Garvard: Izdatel'stvo Garvardskogo universiteta. (In Russ.)

Bondarevskaya, E. V., Gukalenko, O. V. (2000). *Teacher training for the implementation of pedagogical support for migrant children in a multicultural educational space*. Tiraspol'. (In Russ.)

Bondyрева, S. K., Kolesov, D. V. (2004). *Migration (essence and phenomenon)*. Moscow: Izd-vo MPSI; Voronezh: Izd-vo NPO MODEK. (In Russ.)

Brubejker, R. (2012). *Ethnicity without groups*. Moscow: ID VsHE. (In Russ.)

Burd'e, P. (2005). The genesis and structure of the field of religion. In: *Burd'e P. Social'noe prostranstvo: Polya i praktiki*. St. Petersburg, Moscow: Aletejya. (In Russ.)

Valentej, D. I., Zvereva, N. V. (1987). *Population studies: issues of methodology*. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)

Vishnevskij, A. G. (2004). *Prospects of migration and ethnic development of Russia and their consideration in the development of strategic directions for the country's long-term development*. Moscow: Institut ekonomiki perehodnogo perioda. (In Russ.)

Gricenko, V. V., Chibisova, M. Yu., Tkachenko, N. V., Pavlova, O. S., Huhlaev, O. E. (2023). Strategies of socio-cultural adaptation as predictors of psychological well-being of children of foreign citizens in Russia. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 28(5), 200–212. (In Russ.). DOI 10.17759/pse.2023280515

Gukalenko, O. V., Borisenkov, V. P. (2016). Training teachers to work with migrant children in a multicultural educational environment. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 1, 86–94. (In Russ.)

Gulina, O. R. (2005). The right to equality: Russian legislation and international standards. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 1, 129–140. (In Russ.)

- Deminceva, E. B., Zelenova, D. A., Kosmidis, E. A., Oparin, D. A. (2017). Adaptation opportunities for migrant children in schools in Moscow and the Moscow region. *Demograficheskoe obozrenie*, 4(4), 80–109. (In Russ.)
- Dmitriev, A. V. (2015). Conflictogenicity of migration: theoretical and practical problems. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 1, 16–29. (In Russ.)
- Djatlov, V. I. (2000). *Modern trading minorities: a factor of stability or conflict? Chinese and Caucasians in Irkutsk*. Moscow. (In Russ.)
- Zajonchkovskaya, Zh. A. (1972). *New settlers in cities (methods of studying survivability)*. Moscow: Statistika. (In Russ.)
- Zaslavskaya, T. I. (2007). *Selected works. Vol. 1. Social Economics and Economic Sociology*. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Zborovskij, G.E., Shuklina, E. A. (2013). Education of migrant children as a problem of their social adaptation. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2, 80–91. (In Russ.)
- Ivahnyuk, I. V. (2014). Integration of migrants from the point of view of the state (comments on new legislative initiatives of the Federal Migration Service of Russia). *Migraciya. XXI vek*, 3–4, 36–37. (In Russ.)
- Martynova, M. Yu., Stepanov, V. V. (Eds.) (2019). *Measuring cultural diversity. Linguistic situation, censuses, field ethnostatistics*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Ioncev, V. A. (2014). Integration of migrants is an effective way to eliminate inequality and xenophobia in the host society. *Voprosy upravleniya*, 1, 127–132. (In Russ.)
- Korel', L. V. (2005). *Sociology of adaptations: issues of theory, methodology and methodology*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
- Ledenyova, V. Yu., Kononov, L. A. (2021). *State and municipal regulation of the processes of adaptation and integration of migrants in modern Russia*. Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Мукомель, Б. И. (2017). Xenophobia: ethnocophobia and migrant phobia of the host population. In: *Social factors of interethnic tension in Russia*. (pp. 146–196). Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Petrov, V. N. (2015). Interethnic conflicts and tolerance. *Evrazijskij Soyuz Uchenyh*, 2, 97–98. (In Russ.)
- Petrochenko, A. V. (2011). Criteria and indicators of socio-cultural integration of immigrants in secondary schools. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1/2, 36–42. (In Russ.)
- Poletaev, D. V., Zajonchkovskaya, Zh. A. (2019). Analysis of mechanisms, problems and practices of adaptation and integration of children who do not have citizenship of the Russian Federation and stay in Moscow. In: *Obshchestvo. Doverie. Riski: doverie k migracionnym processam. Riski novogo obshchestva*. (pp. 315–325). Moscow: Gosudarstvennyj universitet upravleniya. (In Russ.)
- Portes, A., Chzhou, M. (2017). The new second generation: segmental assimilation and its varieties. *Urban Studies and Practices*, 2(1), 122–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>

- Rybakovskij, L. L. (2000). *Research on population migration in Russia*. Moscow. (In Russ.)
- Ryzhova, S. V. (2016). Trust and ethnic tolerance in the context of social change. *Sociologicheskij zhurnal*, 22(1), 72–94. (In Russ.)
- Ryazancev, S. V., Pis'mennaya, E. E. (2017). The effectiveness of Russia's foreign migration policy and approaches to assessing possible volumes of migrant recruitment. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2, 7–13. (In Russ.)
- Soldatova, G. U. (2019). Digital socialization in the Cultural and historical paradigm: a changing child in a changing worlde. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, 9(3), 71–80. (In Russ.)
- Ter-Minasova, S. G. (2008). *Language and intercultural communication*. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
- Chudinovskih, O. S., Stepanova, A. V. (2020). On the quality of federal statistical monitoring of migration processes. *Demograficheskoe obozrenie*, 7(1), 54–82. (In Russ.)
- Erikson, E. (1996). *Identity: youth and crisis*. Moscow. (In Russ.)
- Yudina, T. N., Kotovskaya, M. G. (2018). Foreign speakers in Moscow schools: problems of cultural adaptation. *Social'naya politika i sociologiya*, 17(2), 115–123. (In Russ.)
- Yudina, T. N., Kotovskaya, M. G. (2019). Knowledge of the Russian language as a factor of adaptation of foreign-speaking schoolchildren in a new ethno-cultural environment. *Social'naya politika i sociologiya*, 18(2), 45. (In Russ.)
- Alba, Richard, Foner, Nancy (2015). *Strangers No More: Immigration and the Challenges of Integration in North America and Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Banks, J. A., Cherry, A., Banks, McG. (2010). *Multicultural Education: Issues and Perspectives*. 7th ed. PhoenixColor Corporation.
- Calhoun, Craig (1994). *Social Theory and the Politics of Identity*. Wiley-Blackwell.
- Dirk, J. and Andrea, R. (2007). The End of National Models? Integration Courses and Citizenship Trajectories in Europe // *International Journal on Multicultural Societies*, 9(2), 264–283. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>
- Granovetter, M. S. (1973). The strength of weak ties. *American Journal of Psychology*, 78(6), 1360–1380.
- Lewis, Coser (1964). *The Function of Social Conflict*. New York: The Free Press; London: Collier Macmillan Limited.
- Portes, A., Fernandez-Kelly, P., Haller, W. (2005). Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood. *Ethnic and Racial Studies*, 28, 1000–1040.
- Vertovec, Steven (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30(6), 1024–1054.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Николаевна Юдина, д-р социол. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Tatyana N. Yudina, Dr. Sci (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 17.07.2025;
одобрена после рецензирования 20.08.2025;
принята к публикации 20.08.2025.
The article was submitted 17.07.2025;
approved after reviewing 20.08.2025;
accepted for publication 20.08.2025.